

УДК 343.2/7

**ПОСРЕДСТВЕННЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
ЕДИНОЛИЧНЫЙ СУБЪЕКТ ИЛИ СОУЧАСТНИК?****К.Ю. ЩЕРБАК****(Представлено: В.А. КУРЯКОВ)**

Расположение нормы о посредственном причинителе (исполнителе) преступления в структуре института соучастия как в УК 1999 г., так и в законодательстве ряда других стран, было воспринято неоднозначно в уголовно-правовой науке и подвергалось критике учеными-криминалистами с момента принятия действующего уголовного закона и по настоящее время. Автором обосновывается необходимость самостоятельного уголовно-правового закрепления случаев совершения преступления путем посредственного причинения.

В соответствии с ч. 3 ст. 16 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее по тексту - УК) исполнителем признается лицо, «непосредственно совершившее преступление» [1]. Впервые на законодательном уровне определен уголовно-правовой статус лиц, которые выполнили объективную сторону конкретного преступления не «собственноручно», а как указывается в различных научно-теоретических разработках – «чужими руками», т.е. руками лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности, невменяемости, либо совершивших преступление по неосторожности. Буквальное толкование нормы показывает, что перечень таких лиц исчерпывающий.

Например, автор научно-практического комментария ст. 16 УК, доктор юридических наук В.М. Хомич в эту группу включает также лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии крайней необходимости под воздействием физического или психического принуждения [2].

Полагаем, что на основании сравнительного анализа научных позиций к посредственному причинению можно отнести также лиц, действовавших во исполнение приказа или распоряжения, и невиновное причинение вреда лицом, исполняющим приказ или распоряжение, а также лицо, причиняющее вред невиновно в силу извинительной ошибки относительно фактических обстоятельств содеянного, **а не по неосторожности**. В этой части, как представляется, позиция белорусского законодателя не является бесспорной и нуждается в дальнейшем исследовании.

В специальной литературе посредственному причинению (исполнителю) даются разные названия: «посредственное исполнительство», «посредственное исполнение преступления», «опосредованное исполнение» и др. Во всяком случае, абсолютным большинством специалистов употребляется термин «посредственный». Считаем, что если это явление имеет правовое содержание и с ним связано наступление конкретных, юридически значимых последствий, то уместным было бы исследовать на более углубленном научно-практическом уровне вопрос о целесообразности на законодательном порядке сформулировать и закрепить понятие посредственного исполнителя (причинителя) и определить его место в УК [3].

В настоящей публикации рассматривается вопрос следующего содержания: в какой степени обоснованно законодатель закрепил правовой статус указанной категории лиц как исполнителей и включил их в институт соучастия? Подобная регламентация не получила однозначного понимания.

Еще в советский период известный российский юрист А. Н. Трайнин подверг сомнению и критике правильность правового регулирования ответственности посредственных причинителей в пределах норм о соучастии в преступлении, указав следующее: «...исполнитель мыслим лишь в составе соучастников... быть исполнителем одному так же невозможно, как одному быть пособником или подстрекателем» [4].

В современных научных источниках также активно высказывается точка зрения о необоснованности выделения законодателем третьего вида исполнительства — посредственного (опосредованного; посредственного причинения), под которым в доктрине и судебной практике подразумевается обычно форма индивидуального (единоличного) совершения преступления (единоличное исполнение, связываемое со своеобразным осуществлением действий, составляющих объективную сторону преступления) [5].

В обоснование подобной позиции утверждается следующее условие: не подлежащее ответственности лицо, используемое для выполнения объективной стороны преступного деяния, т.е. для посредственного причинения вреда правоохраняемым интересам, выступает в подобных ситуациях только в качестве **средства (орудия)** достижения общественно опасного результата. Соответственно, оно при таких обстоятельствах не может являться субъектом преступления (не достигло возраста уголовной ответственности или находилось в момент совершения общественно опасного деяния в состоянии уголовно-правовой невменяемости либо действовало невиновно и др). Именно эти признаки отличают «несубъекта» от лица, склонившего либо заставившего «несубъекта» (невиновного) осуществить практическую реализацию его преступного умысла.

Российский учёный-правовед Р. С. Данелян утверждает, что «из содержания ч. 2 ст. 33 УК РФ (ч. 3 ст. 16 УК Республики Беларусь – поясн. автора) видно, что законодатель определил исполнителя двусмысленно, смешав исполнителя — индивидуально действующее лицо, и исполнителя-соучастника. Тем не менее, если преступление совершено одним лицом без участия организатора, подстрекателя, пособника или других исполнителей, речь следует вести о субъекте преступления. Об исполнительстве же принято говорить только в том случае, когда в совершении преступления участвуют и другие участники [6].

Следовательно, это лицо, по нашему мнению, подлежит уголовно-правовой классификации не в качестве исполнителя как разновидности соучастников, а как лицо, действовавшее *единолично*, так как в подобной ситуации отсутствует обязательное для института соучастия умышленное объединение двух или более лиц, обладающих как минимум всеми общими свойствами субъекта преступления.

В продолжение сказанному, очевидно, требуется обратить внимание и на такой момент, как специфику отражения в УК понятия «исполнитель», законодательное определение которого расположено в ст. 16 УК, регуливающей вопросы общего понятия института соучастия, видов соучастников и особенности их ответственности. Буквальное толкование употребляемой терминологии в ч. 2 ст. 16 УК о признании организатора, подстрекателя и пособника соучастниками *«наряду с исполнителем»* в условиях, когда в *других нормах* Общей части отсутствует какое-либо упоминания об исполнителе как о субъекте, действующем *единолично*, также подтверждает вывод, что понятие «исполнитель» - это обязательная составная часть только института соучастия.

Представляется, что выделение в качестве самостоятельного вида исполнителя лица, называемого в теории «посредственный исполнитель» в конструкцию института соучастия в какой-то степени, не без оговорок, могло бы восприниматься допустимым при условии, что посредственный исполнитель совершил преступление в соучастии с другими лицами (наличие соисполнителя, организатора, подстрекателя или пособника в любом сочетании). Только при таких обстоятельствах и первые два вида исполнителей, и так называемого посредственного исполнителя в его различных вариантах следовало бы относить к соучастникам и раскрывать смысл ч. 3 ст. 16 УК с учетом данного суждения. То есть правильное определение статуса третьего вида исполнителя в УК должно быть следующим— это лицо, совершающее посягательство в соучастии и, кроме того, выполняющее объективную сторону предусмотренного Особенной частью УК деяния (свою роль в совместном достижении преступного результата) не лично (собственноручно), а используя лицо (лиц), указанное в ч. 3 ст. 16 УК.

Наш вывод: юридически посредственный исполнитель — *единственный* субъект преступления, способный нести уголовную ответственность, несмотря на то, что фактически совершается преступление, лишь *внешне схожее* с формулой соучастия. Если речь идет о посягательстве, совершенном одним виновным субъектом, описание его противоправных действий в ст. 16 УК, регламентирующей понятие института соучастия, может восприниматься как ошибочное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г., № 275-З. – Минск, 2016. - 404 с.
2. Научно-практ. комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. А. Ахраменко [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп.. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1063 с.
3. Бурчак, Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / Ф. Г. Бурчак. – Киев, 1969. – 211 с.
4. Трайнин, А. Н. Учение о соучастии / А. Н. Трайнин. – М., 1941. – 158 с.
5. Козлов, А. П. Соучастие: традиции и реальность / А. П. Козлов. – СПб., 2001. – 239 с.
6. Данелян, Р. С. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии : учеб. пособие / Р. С. Данелян. – М., 2012. – 108 с.